

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

ГАМБИТ МОНИГЕТТИ

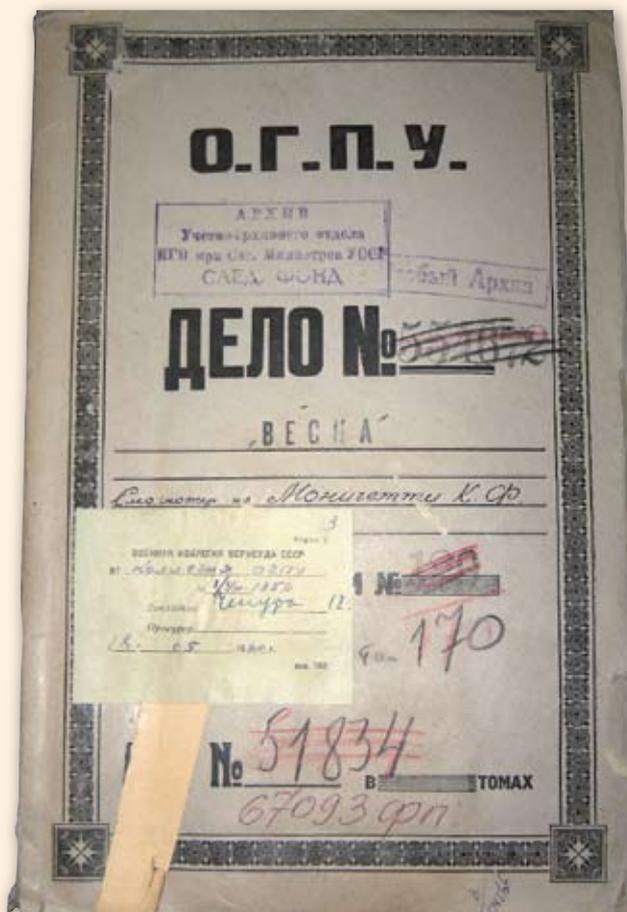
Невероятные приключения «итальянца» в России*

Революция и Гражданская война стали тяжёлым временем для русских офицеров. Среди них были и те, кто повёл свою собственную борьбу с системой, не останавливаясь перед крайними мерами. Некоторые не пришли ко двору ни в одном из противоборствующих лагерей и были вынуждены перейти на нелегальное положение. Это были люди особого склада характера и духа. Сегодняшний наш рассказ о драматической судьбе одного из таких офицеров — Константина Фёдоровича Монигетти.

Монигетти родился в Петербурге 19 марта 1890 года, происходил из мещан (его отец, Фёдор Фёдорович, был служащим представительства резиновой фабрики «Богатырь» и умер в 1918 году, мать умерла в 1929-м), считал себя русским, хотя фамилия явно указывала на итальянское происхождение. Супругой Монигетти была его ровесница, дочь железнодорожного служащего Элеонора Михайловна, детей у них не было.

Монигетти окончил 1-ю гимназию в Екатеринославе (1908) и Владимирское военное училище (1910), откуда вышел подпоручиком в 49-й пехотный Брестский полк, стоявший в Севастополе. С этим полком и была связана вся его дореволюционная военная служба. В 1911 году наш герой окончил Севастопольскую фехтовально-гимнастическую школу. По свидетельству супруги, «языками иностранными муж действительно владел в совершенстве, так как ещё с гимназической скамьи отличался исключительными лингвистическими способностями. Вообще, он был очень одарённый человек»¹.

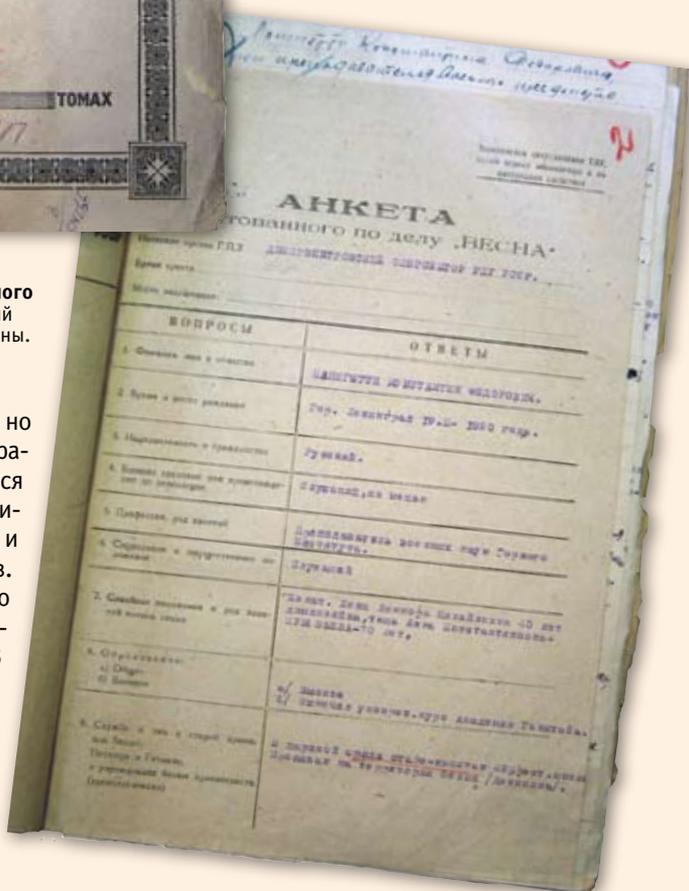
В 1913–1914 годах Монигетти обучался в младшем классе Императорской Нико-

Обложка и анкета из следственного дела Монигетти. Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Публикуется впервые.

лаевской военной академии, но закончить высшее военное образование помешала начавшаяся мировая война², в которой офицер принял активное участие и был награждён орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами. В конце существования русской армии штабс-капитан (по другим данным — капитан) Монигетти служил командиром 14-й роты 49-го пехотного Брестского полка.

В 1918 году Монигетти числился в гетманской армии П. П. Скоропадского (в приказах он не упоминался³) в звании сотника (капитана), причём не говорил по-украински, что было характерно для множества русских офицеров, оказавшихся в украинских военных формированиях того времени, а из иностранных языков, согласно документам, знал только немецкий. По некоторым данным, Константин Фёдорович должен был быть назначен на должность старшего адъютанта штаба 15-й пехотной дивизии в Екатеринославе⁴. Впрочем, о том, что это назначение состоялось, данных нет. Со сменившими гетмана

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 11-31-00350а2. «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»

Скоропадского на Украине петлюровцами Монигетти было явно не по пути, и его следы в украинской армии далее не прослеживаются.

В период с февраля по август 1919 года он служил в Красной армии, был начальником штаба войск Правобережной Украины, даже попал в официальную советскую историю Гражданской войны как начальник штаба 14-й советской армии, оборонявшей Украину⁵. Этот ответственный пост Монигетти занимал в период с 22 июня по 2 июля 1919 года. Командовал армией в это время Климент Ефремович Ворошилов. Впоследствии это знакомство сослужило нашему герою хорошую службу. Затем он был начальником штаба Екатеринославского укрепрайона и инспектором пехоты Высшей военной инспекции. Однако он, по всей видимости, не разделял большевистских идей и в Красной армии оказался лишь в силу обстоятельств. Неудивительно, что служба его большевикам была непродолжительной.

С Украины Монигетти должен был быть назначен в Симбирск в распоряжение штаба 5-й армии⁶, однако при отступлении частей РККА от Киева Монигетти остался в городе и перешёл на сторону белых. Тогда в Киеве остались в общей сложности несколько тысяч бывших офицеров⁷. Впоследствии, в своих показаниях по делу «Весна» 21 апреля 1931 года, Монигетти отметил, что дезертировал из Красной армии, «руководясь исключительно чувством к жене, которая была с 6-летним ребёнком оставлена в г. Киеве в совершенно беспомощном состоянии, больная перитонитом»⁸.

Служба у белых тоже не заладилась: Монигетти в конце сентября был арестован контрразведкой отряда Генштаба генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова за службу в Красной армии. К сожалению, следственного дела обнаружить не удалось, нашёл лишь один сопроводительный документ — отношение генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Вооружёнными силами на Юге России (ВСЮР) председателю следственно-следственной комиссии от 20 января (2 февраля) 1920 года: «Препровождённое мне дело о Штабс-Капитане МОНИГЕТТИ при № 0725/645щ отослано Начальнику Отдела Генерального Штаба Военного Управления по принадлежности, так как эксперты были назначены его распоря-

жением из числа офицеров Генерального Штаба отдела Генерального штаба Военного Управления»⁹.

Верховной судебно-следственной комиссией при штабе главнокомандующего ВСЮР Монигетти был приговорён к семи годам лишения свободы. Освободился он по амнистии за день до взятия красными Екатеринодара (занят большевиками 17 марта 1920 года), ког-

А. М. Герасимов. Портрет К. Е. Ворошилова. 1927 г.

да фронт ВСЮР уже трещал по швам. После освобождения наш герой по приговору суда был разжалован в рядовые и 19 марта направлен на фронт¹⁰. Быть использованным белыми в качестве пушечного мяса без всякого положения и перспектив бывшему слушателю академии Генштаба явно не хотелось, поэтому он дезертировал из ВСЮР и в часть не явился. Опасаясь возвращаться к красным, решил перейти на нелегальное положение. В обстановке неразберихи Гражданской войны сделать это было нетрудно. В своих позднейших показаниях Монигетти сообщил: в связи с занятием Екатеринодара красными «я должен был переменить фамилию, ибо как б[ывший] дезертир неминуемо был бы расстрелян, если бы в тот момент попался»¹¹.

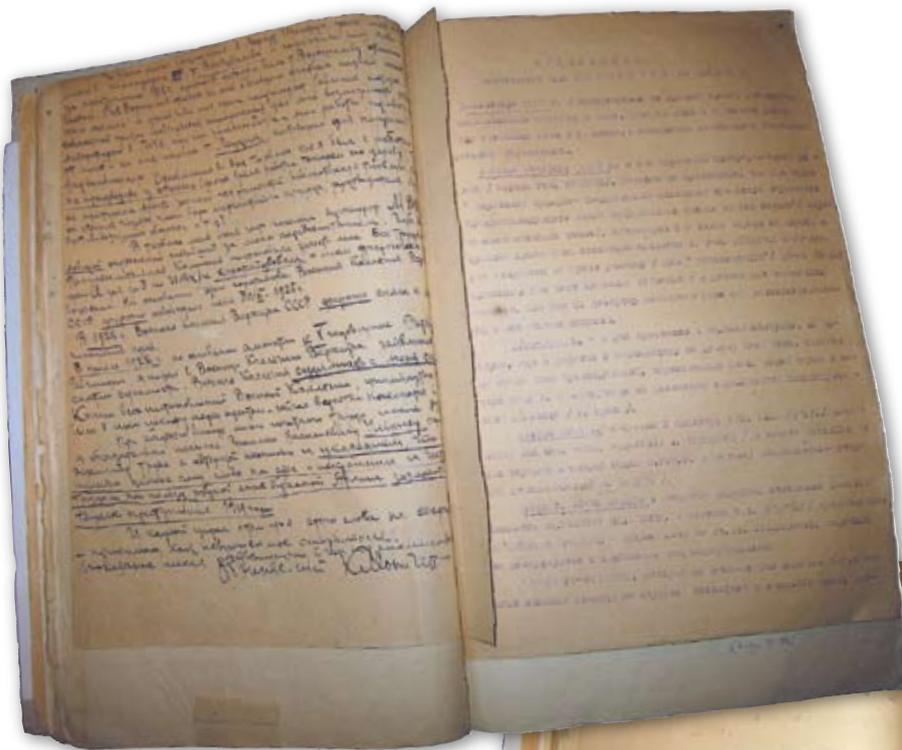
С 1920 по 1924 год Монигетти провёл на нелегальном положении по чужим

документам. 9 августа 1924-го он был арестован в Нижнем Новгороде на ярмарке, где работал в кооперации. Арест произошёл не из-за прокола самого нелегала. Подлинные причины случившегося изложила в 1959 году вдова Монигетти пенсионерка Элеонора Михайловна Муравьева: «Первый арест моего мужа был потому, что я его выдала не будучи в силах переносить тяжести нелегальной жизни»¹². Сам же Монигетти показал, что жена донесла на него, так как «на почве всех преследований, перенесённых мною, сошла с ума в начале 1921 года и находилась на излечении в Кишиневской психиатрической больнице (г. Орёл)»¹³.

Август 1924 года Монигетти провёл в нижегородском губотделе ОГПУ, а в начале октября был переведён в Особый отдел ОГПУ в Москве и содержался в Бутырской тюрьме. Наконец, 29-30 ноября на открытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством небезызвестного Василия Васильевича Ульриха за дезертирство из Красной армии и проживание под чужой фамилией он был приговорён к расстрелу, заменённому прямо на суде пятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и лишением прав на три года. Наказание Монигетти отбывал в Москве, сначала в Лефортовской тюрьме в условиях строгой изоляции (с 5 декабря 1924-го по 4 апреля 1926 года), затем в Сокольническом исправительном доме (4 апреля — 5 мая 1926 года) и в Ивановском исправительно-трудовом доме, как вспоминал Монигетти, «без решёток и часовых»¹⁴ (5 мая — 30 сентября 1926 года). В последнем месте заключения ему даже несколько раз разрешались отпуска, в том числе загородный отпуск к матери в Тульскую губернию.

В заключении офицер приобрёл некоторые практические навыки: «Одновременно во всех тюрьмах, где я работал как на производстве у станка (подчёркнуто в документе. — А. Г.) (долгое время работал токарем по дереву), так и на культурном фронте, занимая ряд должностей: библиотекаря тюрьмы, редактора стенной газеты, члена бюро марксистского кружка, руководителя кружка противовоздушной обороны и т. д.»¹⁵.

Супруга Монигетти, когда тот содержался в Лефортово, смогла выйти на бывшего начальника мужа по службе в

Показания Монигетти.

Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Публикуется впервые.

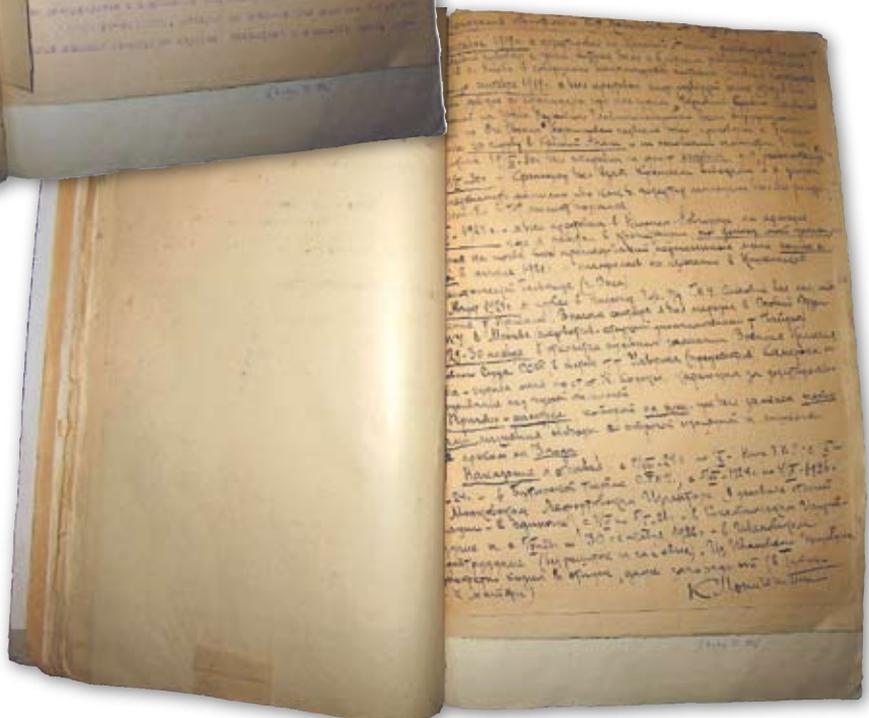
14-й армии — теперь уже всесильного наркома Ворошилова — и рассказала о наказании мужа за проступки 1919 года, сущность которых «первому красному офицеру» якобы была известна. В то время репрессии ещё не носили директивного и системного характера, как в 1930-е годы, так что, по словам Монигетти, «тов. Ворошилов отнёсся ко мне с большим участием, назвал меня «славным малым» и, узнав, что моя жена полуголодает (явление, которое в нашей совместной жизни повторяется периодически), дал мне возможность работать литературно в ГИЗе, причём заказы ГИЗа и мои работы провозил от меня и ко мне иногда т. Леухин (подчёркнуто в документе. — А. Г.), состоящий для поручений при Наркомвоенморе»¹⁶. Заключённого также посещал соратник Ворошилова по Гражданской войне, а в то время прокурор Московского военного округа С. Н. Орловский, следивший за перевоспитанием арестанта.

Монигетти вспоминал, что «при каждом выходе моего печатного труда после 1926 года я обязательно посылал Василию Васильевичу Ульриху (здесь и далее подчёркнуто в документе. — А. Г.) один экземпляр труда с авторской подписью и указанием, что исполняю данное ему слово на суде — искренним и честным трудом на пользу родной мне Красной армии заглавить тяжёлое преступление 1919 года. И каждый упрёк о том, что я этого слова не сдержал, принимаю как невыносимое оскорбление»¹⁷.

30 ноября (возможно, сентября) 1926 года Монигетти был досрочно освобождён, а в 1927-м с него досрочно сняли поражение в правах. Наконец, в связи с 10-й годовщиной Октября с Константином Фёдоровича по амнистии была снята судимость. После освобождения семья Монигетти поселилась у родственников в Днепропетровске, где бывший офицер некоторое время оставался безработным, но затем смог устроиться на преподавательскую работу в Днепропетровском горном институте и даже получил звание доцента. В военкомате он был зарегистрирован по 8-й категории как начальник штаба полка.

18 декабря 1930 года Монигетти был вновь арестован по делу «Весна» в Днепропетровске по обвинению в том, что «он состоял членом военной офицерской к[онтр]р[еволюционной] организации, ставившей перед собой цели свержения Соввласти путем вооружён-

ного восстания»¹⁸. На момент ареста он работал преподавателем военных наук и военруком рабфака горного института. Жил с женой и 70-летней тещей. Подследственный содержался под стражей при днепропетровском оперсекторе ГПУ УССР. Он и арестованные вместе с ним сослуживцы обвинялись в создании контрреволюционной организации из преподавателей вузов, вовлечении в организацию студентов. По делу о Днепропетровской военной контрреволюционной организации проходили генштабист, бывший полковник Ф. Ф. Фешот, командир 30-й стрелковой дивизии

П. П. Мясоедов, начальник штаба дивизии М. М. Катанский, военрук Горного института С. М. Михайловский, физрук В. В. Гофф и другие¹⁹. Всего обвинялось не менее 22 человек²⁰, в основном бывших офицеров, как служивших на тот период в РККА, так и занимавшихся преподавательской работой.

Анализ материалов дела показал, что Монигетти изобличался только поверхностными и противоречивыми свидетельскими показаниями других лиц, причём его именовали полковником Генштаба, занимавшим видное положение у белых²¹, что не соответствовало действительности. Никаких конкретных улик в деле не было.

Из показаний Катанского от 27 января 1931 года: «В конце [19]27 или [19]28 г. я познакомился с К. Ф. МОНИГЕТТИ. Он на меня произвёл впечатление весьма дельного человека, образованного в военном отношении, его же прежнее и

настоящее положение быстро дало возможность найти общий язык...»²²

Михайловский указал 11 января 1931 года: «Прибыв в [19]27 году в г. Днепропетровск в качестве военного руководителя ВУЗа (Горного Института), я от МОНИГЕТТИ, бывш[его] в то время преподавателем военных дисциплин Горного Института, узнал о существовании среди ряда лиц начсостава 30 стрелковой дивизии и среди профессуры и преподавателей Горного Института какой-то организации, имевшей целью реставрацию буржуазной демократической республики под протекторатом Франции. Указанная организация имела связь с другими организациями, имевшимися в Харькове, Киеве и Одессе и др. города[х] с центром в Москве. Центр указанной к[онтр]р[еволюционной] организации имел тесную связь с Парижем, откуда он и финансировался на средства бывш[их] владельцев фабрик и крупных промышленников как-то РЯБУШЕВСКИХ (Рябушинских — А. Г.), МОРОЗОВЫХ и др. Целью указанной организации было свержение Сов[етского] строя путём, с одной стороны, открытой интервенции в лице вассальных Франции — Польши, Румынии, с другой — путём организации вооружённых повстанческих отрядов внутри Советского строя. Начало внешней интервенции в лице Польши и Румынии предполагалось в 30 году...»²³

Руководили «организацией», по версии следствия, Мясоедов, Катанский, Фешот, Монигетти и командир 30-го артиллерийского полка А. К. Юцковский²⁴. В деле нашего героя содержался даже план захвата Днепропетровска, который следователи не поленились выдать за ценное показание одного из арестованных²⁵.

В случае восстания Монигетти якобы должен был стать начальником контрразведки. Во всяком случае, так показал 26 декабря 1930 года другой генштабист Фешот, затем покончивший с собой в тюрьме (возможно, не вынеся того, что

был вынужден оклеветать других). Кроме того, Монигетти якобы осуществлял связь военной и гражданской составляющих организации. Подобные фантазии нужны были следствию для создания видимости расследования. Очевидно, без этих бессмысленных документов расстрелять ни в чём не повинных людей тогда было затруднительно, и формальные требования «законности» должны были быть соблюдены.

Однако первый допрос арестованного состоялся лишь почти через четыре месяца после ареста — 12 апреля 1931 года. Виновным себя Монигетти не признал. Тем не менее постановлением коллегии ОГПУ от 30 мая 1931 года он был приговорён к расстрелу. Вдова офицера позднее вспоминала о тех тяжёлых днях: «Муж мой был выслан с группой военных в Харьков, в Военный Трибунал. Военный прокурор сказал мне, что он выслан надолго и посоветовал поступить на работу. Окольными путями мы узнали, что они приговорены к расстрелу. Дали телеграмму-молнию о помиловании т. Калинин. В помиловании было отказано, и на Лубянке, 9 в Москве мне опять ответили, что он выслан. Сестре же моего мужа сказали, что он расстрелян»²⁶.

В 1959 году вдова офицера, по-прежнему проживавшая в Днепропетровске, обратилась к военному прокурору Киевского военного округа с просьбой пересмотреть дело мужа и реабилитировать его. В письме женщина описала драматическую историю жизни их семьи в советский период. Она сама была арестована на сутки в декабре 1930 года, но затем освобождена. Работала учительницей, воспитательницей, а позднее в связи с нервным заболеванием — библиотекарем. «С тех пор прошло много лет. Много унижений и оскорблений я пережила как жена врага народа. Травил всякий, кто хотел. Мне не раз пришлось прибегать к защите ГПУ, так как я знала, что Советское правительство наказывает виновных, но не мстит... Я стара, больна, живу в ужас-

ных квартирных условиях. Но всё это ничего по сравнению с тем, что я переживаю, зная, что мой муж был врагом народа»²⁷. Несчастливая женщина остро переживала свою вину за то, что когда-то выдала мужа, пусть и не по расстрельному делу. Своё письмо она завершила интригующей фразой: «Быть может, я пролью свет на это «тёмное» дело, так как скажу то, что мой муж мне запретил под страхом смерти»²⁸.

Эти доводы возымели действие, и вдова репрессированного была допрошена. К сожалению, в деле не удалось обнаружить сведений о том, что именно Монигетти запретил говорить жене под страхом смерти. Уже в 1960 году вдова репрессированного военспецы писала следователю: «Я забыла сказать то, что, я считаю, имеет существенное значение и в значительной степени повлияло на исход дела моего мужа... А именно: моего мужа, благодаря итальянской фамилии и знанию нескольких иностранных языков²⁹ — считали и сейчас считают иностранцем. В то тяжёлое время быть иностранцем было опасно, что подтвердилось отношением к моему мужу. Это недоразумение — мой муж русский. Фамилию Монигетти он носил не по отцу, а по отчиму (здесь и далее подчеркнута в документе. — А. Г.) Фёдорову Фёдоровичу Монигетти. Мать его была уроженка Смоленской области (губернии. — А. Г.) и вышла второй раз замуж за Монигетти Ф. Ф., имея от первого брака двух детей — моего мужа и его сестру, которых он усыновил»³⁰. Заканчивалось письмо следующими словами: «Простите великодушно старуху, которая, отрешившись от личной жизни, 30 лет живёт под гнётом невольного предательства, основанного на желании вырваться их кошмарного положения. P.S. Умоляю Вас, помогите!»³¹.

После обращения вдовы бывшего офицера началась проверка его дела и процесс реабилитации, в ходе которого выяснилось, что показания по делу Монигетти ни на чём не основаны, а сам он репрессирован незаконно. В конце концов он был реабилитирован...

Примечания

1. Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 111–111 об.
2. РГВА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 293 об.
3. По данным к. и. н. М. А. Ковальчука (Киев).
4. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58 об.–59. Также см.: Тинченко Я. Ю. Офицерский корпус Армі Українсько Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. Київ. 2007. С. 535. Впрочем, по данным списка генштабистов украинских советских формирований, это последняя должность Монигетти в старой армии//РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 70.
5. Гражданская война в СССР. Т. 2.

- Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М. 1986. С. 142.
6. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 70.
 7. Там же. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.
 8. ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.
 9. ГАРФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 686. Л. 3.
 10. Описанный генералом П. Н. Врангелем в мемуарах случай с капитаном лейб-гвардии Петроградского полка Манегетти (так у Врангеля), застрелившим в нетрезвом состоянии матроса (тоже нетрезвого) за непочтительный ответ и разжалованного за это решением военно-полевого суда в рядовые, а затем героически погибшего на фронте, относится, видимо, к георгиевскому кавалеру Александру Александровичу Монигетти//

- Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. II. М. 1992. С. 53–54; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М. 2004. С. 650. Подробнее об этом случае см.: ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 308.
11. ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.
 12. Там же. Л. 110.
 13. Там же. Л. 93.
 14. Там же.
 15. Там же. Л. 93 об.
 16. Там же.
 17. Там же.
 18. Там же. Л. 1.
 19. Несмотря на пропуски и неточности, сведения о ряде участников этой

- «организации» опубликованы в: Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М. 2000. С. 277–279.
20. ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 15.
 21. Там же. Л. 9.
 22. Там же. Л. 35.
 23. Там же. Л. 10.
 24. Там же. Л. 36.
 25. Там же. Л. 21.
 26. Там же. Л. 109 об.
 27. Там же. Л. 109 об.–110.
 28. Там же. Л. 110 об.
 29. В служебных документах 1918 года отмечено знание им только немецкого языка//ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58 об.–59.
 30. ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 111.
 31. Там же. Л. 111 об.